

В Концертной студии Останкино

Встреча с народным артистом СССР М. УЛЬЯНОВЫМ

ЧЕТВЕРГ, 18 ИЮНЯ, 1 ПРОГРАММА, 21.35;
ТО-4—19.05; ТО-3—21.35; ТО-2—22.05; ТО-1—21.05

В предисловии к своей книге «Моя профессия» народный артист СССР М. А. Ульянов пишет: «...Я не Колумб. Я просто матрос. Но я тоже плыл и тоже видел неизвестные земли. Кому-то они покажутся интересными, кому-то нет...»

О чем бы вы ни беседовали с артистом — о ролях, спек-

такле, проблемах режиссуры и мастерства, разговор неизбежно «вырулит» на острые проблемы сегодняшнего дня, на то, что нам с вами не может быть неинтересно. Потому что Ульянов умеет быть разным — добрым и снисходительным, колючим и злым, категоричным или растерянным, но не может он быть рав-

нобушным. Никогда, ни при каких обстоятельствах...

— Михаил Александрович! Наверное, желание заниматься режиссурой как-то связано с потребностью сказать людям больше, чем это возможно актеру!

— Я скажу не о себе, а о том, как я понимаю проблему актерской режиссуры. К сожалению, такова жизнь художника-артиста, что мы проходим фильтры драматургии, режиссуры. И то, и другое, особенно современная драматургия, не всегда дает в руки то оружие, с которым можно уверенно сражаться.

Да простят меня читатели, что я в чем-то повторяюсь, но я гладиатор, которого выпускают иногда с деревянным, а чаще с бумажным мечиком. И, конечно, меня разрывают в клочья. Потому что я помахал мечиком и сказал, что дважды два — четыре! А от меня ждут другого. Ждут потрясений! Я прихожу в шесть часов в театр, в десять, как выжатый лимон, ухожу. Но никого не потряс, оказывается.

Актер, если он настоящий актер, — это человек со своим миром, со своим, так сказать, мироощущением. И все роли в идеале — ответ на жизнь. Но это в идеале... Именно потому, что так зависима актерская профессия, врвемся мы в режиссуру. Выскаться можно более широко, более свободно, более раскрепощенно.

Другой вопрос, что далеко не каждый, даже очень хороший актер может быть режиссером. Далеко не каждый. Но пробовать-то надо! Пробы не должны опугивать! Дорогу осилит идущий.

Рубен Симонов, Завадский, Охлопков, Лобанов, Попов, Станиславский, Мейерхольд — из актеров. Да и сегодняшние — Ефремов, Волчек, Любимов — тоже ведь бывшие, а иногда и «действующие» актеры. Поэтому актеры брались, берутся и будут браться за режиссуру. Кто-то на этом теряет силы, теряет себя как актер... Но пробовать надо. Но рисковать надо. Но дерзать надо.

— Ну, и если мы уж заговорили об этом, то расскажите, что потянуло вас как актера и режиссера к шукшинскому Степану Разину!

— Это сложный вопрос, ответить на него непросто, тем более коротко...

Мне очень дорог этот русский мужик, у которого столько боли и страдания за свой народ. Василий Макарович Шукшин был суровым и жестким художником, он писал Разина, не снимая с характера сложности и противоречий. И когда работаешь с этим прекрасным материалом (а работа идет на каждом спектакле), то получаешь не удовольствие, а радость познания. Самое дорогое в искусстве.

— За долгие годы работы в театре изменилось ли что-нибудь в вашем отношении к нему!

— В жизни каждого человека, тем более актера, разные бывают периоды: и отчаяние, и радости, и потери веры в себя. В молодости многое зависит от того, какой спектакль я смотрел: если хороший, вера моя в театр укреплялась, если плохой — начинались сомнения. Сейчас странное ощущение: почти после каждой работы тихая

грусть. Безотносительно к роли мне кажется, что я многое могу, а практически мне все труднее и труднее. Если роль настоящая, до дна не донырнешь. Если же достукался до доньшка, играть скучно...

— Можно предположить, Михаил Александрович, что в этих ощущениях сказывается опыт прожитых лет! И этого прекрасного, бесценного опыта много больше, чем сыграно!

— Может быть, может быть...

— Вы любите свою профессию, а значит, бываете счастливы в ней!

— Счастливые дни в театре для актера, знаете, какие? Когда тебе вручают роль, на ней написаны твои фамилия, имя, и ты полон надежд, веры в свои силы, тебе рисуется необычайная удача в будущем. Все впереди.

Потом начинаются муки творчества, путаница в дороге к этой роли. Бывает, что, заблудившись, ты так и не вылезешь из леса вопросов вокруг роли. А бывает, что как-то довольно быстро находишь верную дорогу и вот роль почти готова, налилась кровью и теперь требуется только шлифовка ее на зрителе... Отвечая на ваш вопрос, я думаю, вспоминаю и в миллионный раз прихожу к тому, что в театре не следует вычислять счастливые дни, несчастливые дни... В театре все счастье: и победы, и поражения, и муки творчества, и признание зрителей, и их суровые письма.

Театр — это мое счастье!

Беседу вела В. БАРСКАЯ